

Л.А. Виликотская
(Филиал СТИ МИСиС, Ст. Оскол)

Философская антропология Н.Н. Стрхова и П.Е. Астафьева

За последние 10-15 лет было немало сделано для изучения процесса развития отечественной философии XIX века, открыты новые имена, возвращены некоторые незаслуженно забытые. Но творчество таких самобытных мыслителей, как Н.Н.Стрхов и П.Е.Астафьев всё ещё остаётся не проанализированным глубоко и в различных планах. А исследования, в которых предпринимается сравнительный анализ их воззрений, и вовсе отсутствуют. Между тем, многие философские идеи, сформулированные ими, были не просто оригинальными, имели практический, аксиологический характер, но и оказали влияние на последующую мысль в России. Их книги в нарождающейся русской философии помогали учиться мыслить, считались образцами философского изложения.

Современники (Страхов родился на 23 года раньше, чем Астафьев), друзья и оппоненты в спорах по многим вопросам теории, они написали главные свои сочинения в 80-ые годы. Историки русской философии будут причислять обоих к неославянофильскому направлению. Знакомая с воспоминаниями людей, хорошо их знавших, мы обнаружили общие личностные черты: искренность и стойкость в своих убеждениях, отсутствие боязни в полемике с господствующими течениями, смелость в защите крупных и достойных явлений, подвергавшихся гонениям, патриотизм, мягкость в общении, тонко развитый художественный вкус, проявлявшийся в суждениях о литературе и музыке, потребность в напряжённой работе мысли до конца дней. Хотя у каждого были и другие интересы (литературная критика и публицистика – у Николая Николаевича, психология и публицистика – у Петра Евгеньевича), но философия была главным делом их жизни.

Не углубляясь пока в существо философских взглядов наших мыслителей, заметим, что они созвучны в ряде идей и интенций, несмотря на различные исходные принципы. Ни один из них так и не создал законченной системы. Построение системы представлялось им делом второстепенным. Судя по основным сочинениям, они были сильными аналитиками, находились под влиянием немецкой классики, и поэтому искали выход не во внешней эмпирии, а во внутреннем опыте. Философия Страхова имела два источника: гегелевскую систему, (он сам неоднократно называл себя гегельянцем, пояснял, что воспринял не систему в целом, а её метод), а также понятия естествознания и математики. Теоретические идеи Астафьева исходили из монадологии Лейбница и христианской философии. В тоже время каждый из них был идеалистом с ярко выраженным своеобразием. Кроме того, их философские рассуждения имели полемическую направленность (как и вся русская мысль 70-90-х г.). Обои критиковались позитивизм, утилитаризм, вульгарный материализм, нигилизм, анархизм и т.д. На этом пути они встречали много грубого непонимания, насмешек и презрительного замалчивания.

.Антропологические проблемы находились в центре исследовательских интересов и Страхова, и Астафьева. В отечественной философской литературе стала общепризнанной точка зрения, согласно которой Н.Н. Страхов считается одним из основоположников философской антропологии в России (3,с.10). Если Страхов настаивал на центральном положении человека в мире как органическом целом без самостоятельных сущностей, то Астафьев отводил ему ещё более значимое место в качестве основы всего сущего: и бытия, и знания, и мировоззрения.

Какова природа человека и какое место в мире ему принадлежит? Труднее этих вопросов, по мысли Страхова, нет во всей области мышления. Величайшая особенность природы человека – отсутствие каких-либо особенностей. Человек «есть самое неопределённое существо». Нет существа, более разнообразного, чем он. Он может быть и бесконечно высоким, и ничтожным, «куском живого мяса, в котором нет даже животных достоинств». В одном из основных своих сочинений «Мир как целое» Николай Николаевич писал, что с точки зрения науки человек есть животное. А животное есть организм, во всём подобный другим организмам: также рождается, развивается, размножается и умирает. Подобие человека с какой-нибудь травинкой или ничтожным насекомым очевидно. Все живые существа живут общей жизнью. Над всем органическим миром господствует безжалостная смерть. С точки зрения натуралиста, все организмы, включая и царя природы, – человека – есть предметы вещественные. Если сущность жизни заключается в круговороте при сохранении той же формы (Кювье), то органические вещества невозможно строго отличить от не органических, а мир предстаёт как нагромождение однообразных тел. Свести человека к одному только телу, организму, по убеждению Страхова, означает не понять самого глубинного и существенного в нем. Человек есть не только животное. Он «возвышен над природой своею духовною стороною, – составляет исключение в ней. Он венец мироздания». Ему свойственно и прилично центральное место в мире как наиболее совершенному существу. Человек есть вершина природы, узел мироздания, живой и разумный его центр. Обладающий здоровой внутренней жизнью, человек не сомневается

в существовании собственной души. И если наука будет отрицать её или усомнится в её реальности из-за невидимости, невещественности, то человек скорее откажется от такой науки. Человек не хочет быть животным и протестует против толкования его природы в смысле простой материи – «протестует во имя своего внутреннего опыта». Критикуя дарвинистов и спиритуалистов за смешение понятий, Н.Н. Страхов настойчиво обосновывал самостоятельность духовного начала в человеке, его не сводимость к материальному.

Итак, человек, – духовное существо, обладающее телом. Душа в нем – высшее начало. Она разумна и способна познать весь внешний мир. Человеческая душа чутка и подвижна. Она ищет деятельности и томится без неё. Именно муки души побуждают нас действовать. Старинное выражение «Человек состоит из души и тела» представляется Страхову не точным, так как ставит наравне тело и душу. Гораздо правильнее сказать: «Человек есть душа, облечённая телом» (2, с.894). Связь тела и бессмертной души – чисто внешняя. Они строго разграничены. Душа субъективна, а тело объективно и в своих явлениях постоянно выражает явления нашей души, подобно тому, как буквы и звуки выражают мысли

Что касается П.Е. Астафьева, то для него человек – прежде всего внутренний опыт, духовная деятельность. Мы все обладаем внутренней жизнью духа, которая выражается в произведениях искусства, нравственных, религиозных и философских системах. Причем, имеется в виду не дух как особая субстанция, а «сама о себе знающая духовная деятельность». Но в отличие от Страхова, который полагал духовную и душевную жизнь человека непостижимой, непознаваемой «тьмой», таинственной областью, закрытой от чужого глаза «в сравнении со светлым миром вещественной природы», Астафьев был убеждён в том, что люди живут одной общей духовной жизнью. Именно она объединяет многочисленные, замкнутые в себе, умственные миры, несмотря на субъективность внутреннего опыта. Философ XIX века переживает по существу те же состояния чувства, воли и представления, что и первобытный человек, только в более сложных формах и сочетаниях. Внешний опыт есть лишь часть внутреннего опыта, «подчиненный вид его как рода». Их области не совпадают ни по содержанию, ни по своему объему. Знание, достигаемое во внутреннем опыте, субстанциональное, отличается от феноменального по способу обретения. Метафизическое и непосредственное знание внутреннего опыта о себе как деятельном усилии составляет самое существо субъективности, внутренней жизни. Оно имеет дело с состояниями сознания – ощущениями, представлениями, понятиями. Наше сознание или вообще ничего не знает или знает что-либо, но тогда знает прежде всего самого себя, собственную переживаемую им жизнь. И достигается оно путём непосредственного наблюдения.

Каково место науки и философии в духовной жизни человека? Выяснение этого было важно как для Страхова, так и для Астафьева. Николай Николаевич писал, что наука стремится к познанию истинно сущего, но она определяет это сущее только отрицательно, постоянно разоблачает мир, снимает с него формы и краски. За мертвенностью сухой науки обнаруживаются существенные черты и стороны мира. Она принадлежит к тем видам деятельности, которые ведут человека к исполнению его назначения. Она подводит человека к положительной истине. Даёт возможность тому, кто ею занимается и её изучает, ощутить «тёплую струю духовной жизни». Её дело – чистое и святое, она учит нас переходить от низшей формы умственной деятельности – к высшей, от внешне отрицательных определений сущего ко внутренне положительному его постижению. Но всех запросов человеческой души наука не удовлетворяет. Научные интересы и другие высшие потребности души «отнюдь не исключают, но напротив, восполняют друг друга». Принципиально важным представляется убеждение Страхова в том, что философия есть наука, которая имеет своей задачей установление первых истин, т.е. таких, которые «могли бы служить основоначалами для всех других научных истин».

Живо интересовавшийся новейшими научными достижениями, серьёзно изучавший теоретические проблемы психологии, Астафьев также отводил науке важное место в ду-

ховной жизни человека. Но центром её считал философию. Почему? Прежде всего потому, что любая наука, изучая лишь отдельный фрагмент реальности, является односторонней. Даже во всём своём единстве, все вместе взятые науки не исчерпывают глубочайших и могущественнейших мотивов духовной жизни человека. Более того, при чрезмерном увлечении какой-либо наукой, если поглощаются все интересы, стремления ума, вполне вероятно духовное уродство человека. Он может жить богатой духовной жизнью, не зная хорошо математики или забыв органическую химию, но хоть какую-нибудь жизненную философию он обязательно имеет.

Как видим, и Страхов, и Астафьев подчёркивая значимость науки в духовных поисках человека, указывали на её связь с другими формами деятельности и сознания, их взаимодополняемость, вредность преувеличения научного, интеллектуального компонентов во внутреннем мире человека. Оба интересующих нас мыслителя критиковали слепую и фанатическую веру в разум, характерную для Западной цивилизации Нового времени. Культ разума он называл болезнью. Неоднократно в своих сочинениях оба философа подчёркивали, что никто не обязан быть умственно совершенен, но чистую совесть обязан иметь, что нравственная чистота души важнее всего в человеке. Нравственно-мировоззренческий аспект философии ставили выше рационально-схематизирующего. При этом Астафьев более строг и критичен в своём выступлении против односторонности частных наук. Вместе с тем Астафьев и более глубоко и подробно разработал проблему структуры духовной жизни человека, в том числе места и роли в ней нерациональных начал – чувства и воли. Если Страхов в понимании человека исходил из позиции антропоцентризма, признавая в нём разумный узел мироздания, и создал своеобразный вариант органической теории, то для Астафьева субъект с его внутренней жизнью есть субстрат познаваемого и реального мира. Обоих мыслителей с полным правом можно назвать «строителями» антропологии в русской философии.

Литература

1. Астафьев П.Е. Опыт о свободе воли. – М., 1897.
2. Страхов Н.Н. Письма о философии // Вопросы философии и психологии. – 1902. – Кн.1.
3. Философ. Критик. Публицист: К 175-летию со дня рождения Н.Н.Страхова / Сост. Е.А. Антонов. – Белгород, 2002.